

Размышления у парадного наезда

Известия. - 2000. - 17 окт. - с. 10.

Владимир Меньшов и Вера Алентова после премьеры «Зависти богов»

В московской семье тайком смотрят запретное «Последнее танго в Париже». Женица средних лет в ужасе от западного разврата. Вскоре она встретит француза и впервые узнает, что любовь не только с хорошей песней схожа, но со страстью. Но на дворе ранние 80-е, «международный роман» тоже запрещен, он протекает под бдительным оком КГБ. Оскаровский лауреат Владимир Меньшов сделал эротический фильм «Зависть богов». Героиню играет Вера Алентова. Вчерашняя премьера фильма в Москве подольет масла в пожар критических наездов и споров.

Валерий КИЧИН

Одни «испытывали культурный шок», увидев «индийскую мелодраму с песнями и танцами». Другие гадают, дублершу снимал Меньшов в рискованных сценах или свою жену. Третьи как бы хвалят картину, но с прищуром, словно дело идет о чем-то малоприличном. Сказать «в обществе», что тебе нравится «Зависть богов», как прежде нравились «Москва слезам не верит», «Любовь и голуби» и «Ширли-мырли», — то же самое, что в кругу ценителей Баха брякнуть о «Ногу свело». Это свое «особое положение» в нашем кино острее всех чувствует сам режиссер.

Владимир Меньшов: Недавно я прочитал: для критика фильм — только повод. Наблюдение печальное: критика перестала быть критикой и стала упражнением в остроумии. Причем особая доблесть: приложить известного. Вокруг выются пикадоры, доводят быка до иступления, чтобы потом вышел главный матадор и его прикончил.

Вера Алентова: Знаете, что в реакции прессы особенно оскорбляет? Вот одна из журналисток обычно пишет о том, как она снимала по телефону мальчиков и пр., — это ее право. Но когда она же после этого обсуждает моральные аспекты фильма, хочется сказать: отойдите от искусства и не прикасайтесь к нему. Критика теперь преимущественно дело женское, и в ней удивительно чувствуется личная обделенность. Возможно, это не так, но это читается в рецензиях. Нельзя, чтобы на газетные страницы выплескивались плохие жилищные усло-

вия, маленькая зарплата, неудавшаяся личная жизнь. То, что печатается, неинтересно — видна направляющая рука. Я теперь только Дорошевича читаю с интересом: когда он пишет о Ермоловой, он разбирает ее игру. И не пытается оскорбить. После выхода фильма «Москва слезам не верит» одна газета дала заголовок: «Меньшов подложил жену в постель Баталову» — ну что это?!

В.М.: «Москву...» сразу выявили низкопробной, причем не только критики, но все киносообщество! Сам Райзман заявил на собрании «Мосфильма»: позор! О ней было неприлично говорить или писать, ее вообще вывели за рамки обсуждения. В кино возник тезис: мы могли бы снимать так же, но не снимаем, ибо у нас хороший вкус. А сейчас в американских киноинститутах ее показывают студентам. Вот здесь и разоблачатся бы критики, чем «Москва слезам не верит» отличается от «Гиты и Зиты». И почему очередей в кассы. Хотя... что я так завожусь? Ну бывает: не сходится, параллельные миры...

Валерий Кичин: Это и есть параллельные миры. Есть кино для зрителя — массовое. И кино, которое на зрителя плюет, но развивает киноязык. Это два крыла, без любого птица не полетит. Но критика массовыми жанрами брезгует. Я не считаю это правильным и стараюсь ввести массовое кино в контекст «серьезного». Но дело это неоправданное. О Лукасе или Камроне никогда не будут писать с тем же пиететом, как о малоизвестных Стеллинге или Озоне. Выработали аксиому: массовый вкус — дурной вкус. И принципиально сотворяют себе иных кумиров.

Фильм «Зависть богов» позволил Алентовой сыграть с Депардье

В.М.: Очень характерна судьба Гайды: ему как поставили штамп второсортности, так он и прожил с ним до смерти. А ведь был одарен почти гениально! Его фильмы — шедевры экзотрияды. Штамп ставила тоже не только критика — все киносообщество. Мнения вырабатываются на каких-то тусовках, и в результате из статьи в статью проходят одни и те же формулы. Это же все видно!

В.К.: Правильно. Поэтому те, кто свою профессию уважают, стараются держаться от этих критических тусовок подальше.

В.М.: На фестивале «Кинотавр» я подумал: может, вообще не стоит возить сюда фильмы — ведь обычная публика все воспринимает куда чище! Оказываешься, я там не показал картину, а — подставился. Просто голый вышел на этот сочинский пляж, и теперь все упоенно свистят. Они приехали, заранее предчувствуя добычу. Читаешь и видишь: критики шли на фильм, чтобы увидеть в нем гадость. Так может быть?

В.К.: Может. Сам наблюдал даму из киножурнала, которая еще до просмотра «Сибирского цирюльника» заявила, что это кино ее не интересует. Так простодушно сознавшись в домашних заготовках и наличии лошадиных шор на очах, критик должен сразу застрелиться.

В.М.: Удручает не факт критики, а то, с какой злобой написано. Все как один гадают: есть ли нет дублерша у Алентовой. Ну не может быть, чтобы она так хорошо выглядела! Все давно беззубые и кривобокие, а она... ну конечно, пришли к голове чужое тело. И это уродень?

В.А.: Фильм может не нравиться, любое мнение нужно уважать. Но когда газеты судачат о том, чья в кадре грудь, — это низкий человеческий уровень. При этом судачат «научно». Критикесса пишет о «гендерном» характере фильма — вам это не кажется профессиональной катастрофой? Вот крайние точки критики: либо «чья грудь?» — либо «гендерный

фильм». Слова разные — уродень мышления один.

В.К.: Вы бросили пикадорам косточку — первый у нас фильм с эротическими сценами. Они с урчанием ее подхватили и сосредоточились на проблеме груди. Все логично.

В.М.: Точно знаю одно: они меня концептуально не любят.

В.К.: «Любовь и голуби» критика приняла сразу. Значит, вопрос не в концептуальной неприязни. Конкретное мнение конкретной дамы.

В.М.: Это мнение конкретно ставит палки в колеса. И вот уже кинотеатры, ссылаясь на мнение конкретной дамы, отказываются прокатывать фильм. Это уже не мнение — это внушение людям, которые будут принимать решение. Возникает раздельная полоса между «людьми с хорошим вкусом» и «людьми второго сорта», которые ходят на картины Меньшова.

В.К.: Но как тогда работать критикам, ведь любое мнение в прессе — факт общественный? У Рязанова не получились «Ста-

рые клячи», и вы с этим согласны. Но самого Рязанова в этом убедить невозможно.

В.М.: Конечно, профессия критика страшная: надо прийти и сказать человеку, что у него кривой ребенок. Но ведь бывает, что ребенок здоров, а кривой — критик! И дело не только в массовости жанра. У Данилии в критике совершенно другая судьба, чем у Гайды. Хорошо, меня можно не любить за позицию: я голосую за коммунистов, многие могут от этого упасть в обморок. Но Гайдай! Он жил тихо и делал хорошие фильмы, а для критики его не было.

В.К.: Ну, этот счет идет еще от «Веселых ребят» Александрова.

В.М.: Правильно. И опять волну поднимают даже не критики — они ее только озвучивают. Сами коллеги Александрова писали в ЦК доносы!

В.К.: Да уж давно нет направляющей руки, честно. Критики сами люди амбициозные и хотят давать установки — что «престижно» и что «позорно». Они сбились в некий жужжащий рой, а рой — механизм самонастраивающийся. Поэтому критика так единогласна, инерционна и неповоротлива. И часто играет в судьбе кино зловещую роль.

В.М.: Готов подписаться: они не анализом занимаются. Они сознают себя координаторами процесса. И что бы я ни сделал — будет плохо.

В.А.: Любой самолет шлет позывные: «Я свой», — чтобы его не сбили. Любое сообщество договаривается о едином понимании — что хорошо, а что плохо. И есть индивидуальное существование, оно присуще немногим. От нашего киносообщества ты, Володя, далек. Весьма. Ты всегда так жил. А люди предпочитают жить роем.

В.К.: Есть более точная формулировка, хоть она вам не понравится, раз вы голосуете за коммунистов: «В партию сгрудилась малые». Линия партии теперь другая — но это все равно линия. И диссидентам, которые от линии отклонились, по-прежнему плохо.